

Близнецы

Наталья Никольская

Не все то золото

«Научная книга»

Никольская Н.

Не все то золото / Н. Никольская — «Научная книга»,
— (Близнецы)

Детектив Натальи Никольской из серии «Близнецы»

© Никольская Н.

© Научная книга

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	14
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Наталья Никольская

Не все то золото

Глава первая

Ольга

– Дети, вставайте, пора ехать к бабушке. Артур, Лиза... – я ходила по квартире и призывала детей к сборам.

Услышав топот детских ножек по полу и решив, что мои умненькие дети пошли умываться и чистить зубки, я отправилась на кухню готовить им завтрак. Правда, готовить – это громко сказано, так как кулинарными талантами я не отличалась, в отличие от моей сестры Полины. Я решила ограничиться глазуньей из двух яиц и налила деткам по стакану кефира. Яичница – это самое большое, на что я способна. Если бы Кирилл, мой бывший муж, был на месте того мужа в фильме с Муравьевой... ну, как его... ну, ладно. В общем, в том, где она свахой была и сосватала девушку за типа не совсем русской национальности, который ее впоследствии вернул, так как она ему и на завтрак яичницу, и в обед – яичницу, и в ужин – яичницу. Гад! Счастье своего не понимает. Да если бы мой Кирилл получал то же самое и в завтрак, и в обед, и в ужин, он бы прыгал от радости. А он ушел, так и не дождавшись яичницы. А я ее научилась-то готовить только после его ухода.

Я мечтательно уставилась на дверку кухонного ящика, который давно никто не мыл. Кому же его мыть, кроме меня? А у меня все руки не доходят... Да... Надо как-нибудь генеральную уборку устроить, что ли... Вот! Меня осенила гениальная мысль. Детей отправлю к бабушке, а сама займусь облагораживанием своего жилища. Но только после сегодняшнего вечера. Вечером Ленка-соседка придет. У нее день рождения сегодня, говорит: «Не хочу, чтоб народ весь сидел у меня. Я, Оль, к тебе приду, мы с тобой это дело и отметим». Я что ж, всегда пожалуйста... Если еще и с коньяком каким, или наливочкой, так это хоть каждый день. Теперь я уже закатила глазки к самому потолку. Но даже так смогла унюхать, что что-то с моей яичницей не так.

– Так и знала... – расстроилась я.

Как обычно, яичница не хотела жариться нормально и всегда подгорала.

Наверное, это я всегда думаю о чем-нибудь хорошем, и время пролетает незаметно. Ну да ладно. Я вытряхнула угольки со сковородки в мусорное ведро. Не мешало бы его вынести, а то скоро мусор будет лежать вокруг ведра. Ладно, успеется еще...

В кухню вбежали Артур и Лиза, и я дала им по стакану кефира. Они его быстро выпили, и мы вышли на улицу.

Жаль, Полины нет, она бы нас отвезла. Но перед этим обругала бы меня последними словами, что я бросаю детей и все такое прочее... Да что я, в самом-то деле?! Это же всего на пару дней.

С такими мыслями мы и залезли в переполненный троллейбус, который не позднее чем через двадцать минут должен был доставить нас в апартаменты Ираиды Сергеевны, то есть моей мамы.

Окончательно задохнувшись в троллейбусе, я протолкнулась вперед к открывшимся дверям своих деток и выползла сама.

То ли от жары время так медленно движется, то ли просто я потеряла его, но мне показалось, будто ехали мы часа три, не меньше. Но, слова Богу, наконец-то приехали.

Даже дети сегодня что-то вели себя очень спокойно, не галдели и не мельтешили под ногами, а спокойно шли рядом, держась за руки.

Вдавив кнопочку звонка, я стала мысленно просить Ираиду Сергеевну оказаться дома. По обычной рассеянности я забыла ей позвонить и предупредить о своем визите, так что она могла куда-нибудь уйти. Ну, а с другой стороны, знал свою мать, я бы сказала, что в такую жару она никуда и носа не высунет из своей квартиры. Моего опыта, конечно, в работе психолога достаточно, но лучше подстраховаться и попросить о помощи у Бога.

За дверью послышались голоса, спасибо тебе, Господи! и вскоре она отворилась. Пред взорами меня и внуков предстала Ираида Сергеевна в своем пеньюаре.

– А, моя младшенькая пожаловала со своими отпрысками, – пропела она и ласково погладила детей по головкам.

Ираида Сергеевна всегда называла меня младшенькой. Меня это злило, так как мы с сестрой близняшки. Ну и что, что я появилась на пять минут позже? Что ж, теперь всю жизнь меня младшенькой называть?

– Проходите же, что вы в дверях стоите, – продолжала петь маман, – я вас сейчас познакомлю с очень милым молодым человеком...

И она, элегантно повернувшись к нам спиной, проплыла пару метров по коридору и остановилась напротив двери в спальню. Пропев тем же тоненьким голоском:

– Олежек, выйди к нам, я тебя познакомлю со своей младшей дочерью.

Ираида Сергеевна так же плавно повернулась и поплыла к нам обратно.

В свои сорок девять лет она выглядела довольно хорошо, даже можно сказать великолепно. И по этой причине считала, что все молодые люди созданы исключительно для нее. Так что я не удивилась, увидев в дверях гостиной парня, лет так двадцати пяти, не больше.

Поздоровавшись, он сел рядом с маман на диван, и она, с видом хозяйки, положила ручку ему на колено. Фи, какая гадость! Я все никак не могу привыкнуть к этому маминому увлечению молодыми парнями. Мне как психологу понятно, что всякая стареющая женщина хочет ощущать внимание со стороны мужского пола, пусть даже такого прекрасного возраста. Но вот что мне не понятно, так это чего им надо, этим молодым людям, кроме денег, разумеется? Опыта, что ли? Пусть так. Но как дочь, как более молодая женщина я не могу понять Ираиду Сергеевну. Наверное, это конфликт отцов и детей... точнее, матерей и дочерей.

– Познакомься, Олежек, это моя дочь Ольга, – решила нарушить затянувшееся молчание Ираида Сергеевна, во время которого Олежек таращился на меня во все глаза, несмотря на руку маман на своем колене. – А это Олины детки: Лизонька и Артур.

Маман упорно отказывалась при своих бойфрендах называть их своими внуками, дабы сохранить тайну своего возраста, наверное.

Артур сразу проникся симпатией к Олежку и, схватив того за руку, начал стаскивать с дивана, лопоча при этом что-то про игру в конструктор. К процедуре стаскивания с дивана нового друга подключилась и Лиза. Я, надеясь утихомирить своих детей, подскочила к ним и стала отцеплять их ручонки от сползающего на пол молодого человека. У меня ничего не получалось, и я, запутавшись в руках и ногах собственных детей, упала на пол и больно стукнулась головой. А дети уже устроили на полу кучу-малу и вконец затерроризировали бедного парня.

Поднявшись с пола, я плюхнулась в рядом стоящее кресло и посмотрела на Ираиду Сергеевну просящим взглядом. Маман поняла, что утренний визит вызван отнюдь не возникшей бешеной дочерней любовью – хотя как это можно не любить собственную мать? – а, как обычно, просьбой оставить детей.

– На сколько? – вопросительно подняла брови Ираида Сергеевна.

– Всего на пару дней, мама. Понимаешь...

– Ладно, не надо. Пару дней так пару дней. Вон они уже и с Олегом подружились.

Я радостно уставилась на пол, глядя на возящуюся там троицу, поблагодарив при этом маман, что она не дала мне возможности сказать причину моей просьбы и избавила меня от угрызения совести.

– Сегодня мы с Олегом идем в театр на балет. Ты же знаешь, я его обожаю, – при этом Ираида Сергеевна так сверкнула глазами в сторону Олежека, что я не поняла, во-первых, кого она обожает: балет или Олежека, а во-вторых, к кому она обращается – ко мне или к Олежеку. Ну и ладно. – Так что за детьми присмотрит соседка, а завтра мы весь день, наверное, будем дома.

Значит, нет больше причин здесь задерживаться. Чмокнув детей и попрощавшись с Ираидой Сергеевной и Олежеком в прихожей, я с легким сердцем выпорхнула из квартиры и помчалась на остановку все того же троллейбуса. Но теперь у меня был стимул – ожидание вечернего пиршества, и я была готова задохнуться не в одном троллейбусе, но дожить до сегодняшнего вечера как можно быстрее.

Подготовка к вечернему празднику прошла у меня, можно сказать, удачно. Если не считать порезанного пальца и обожженного уха. В остальном все было просто очаровательно: пару салатов я сделала под неусыпным руководством Полины – я звонила ей каждую минуту, чтобы спросить как и куда что-то положить. Она на меня злилась, но помогала, потому что знала – без нее могут пострадать соседи, если я забуду вовремя что-нибудь сделать. Только Полина не подозревала, что это я вдруг взялась покорять просторы своей кухни. Если бы ведала она, зачем я готовлю все эти закуски, точно бы накричала или голову свернула...

По Полининому рецепту надо было потереть две морковки, а у меня... как назло, терка опять куда-то пропала. Пришлось обегать пол-подъезда в поисках терки, выпрашивая ее у скабрезных соседок. Наконец, со своим боевым трофеем я вернулась домой. Но на этом мои неприятности не кончились. Открыла я баночку грибочков посола моей бабушки, выложила их в тарелочку и вспомнила, что бабулечка всегда лук резала колечками и клала сверху для красоты. Нашла завалившуюся в уголке шкафа луковицу... а надо ее чистить или нет? Наверно надо... Почистила и начала резать. С первого раза кружочка не получилось. Это ничего, ведь еще целая луковица впереди, обнадеживала я себя. Во второй раз кружочек опять не захотел получаться, как и в третий, и в четвертый раз. Нож скользил и, в конце концов, я порезала себе палец. С перепугу, что сейчас умру от потери крови, сунула палец в рот, чтобы остановить кровотечение. Но от лука стало так противно и захотелось плакать, поэтому пришлось сунуть палец под воду и пореветь.

Кровь остановилась, и я решила, что на домашнем ужине для двоих одиноких женщин пойдет лук и не совсем ровными колечками. Остановившись на этом, я удовлетворено поглядела на шедевры моего кулинарного искусства и осталась довольна собой. Все-таки и я что-то умею...

Ожог уха я получила через пятнадцать минут, когда вместо того, чтобы мыть посуду, решила завить волосы щипцами. Лучше бы вымыла посуду...

А в остальном вечер прошел просто замечательно. Ленка пришла с бутылкой коньяку и двумя свечами. Посидели мы с ней цивильно, при свечах, съели мои салаты, пообщались, и тут Катке в голову пришла гениальная мысль: «А не продолжить ли нам в кафешке? Заодно компанию себе найдем». И мы отправились искать себе компанию. Да и коньяк уже кончился с салатами, а чего просто так сидеть?

Дошли мы до ближайшего кафе и уселись за единственный свободный столик. Не успели акклиматизироваться, как подвалила компания молодых людей, причем сколько их было, сосчитать я так и не смогла. Ясно одно – больше одного человека.

– Привет, девчонки, вообще-то этот столик наш, но мы не против его с вами разделить, – начала говорить одна голова из всей компании, а все другие дружно заулыбались и закивали.

Я не то чтобы против посидеть в компании таких улыбчивых молодых людей, но уж больно их много, как мне показалось. Но Ленка была другого мнения.

– Да? Замечательно, мальчики. Тогда купите нам чего-нибудь выпить.

Один из компании сразу отделился и пошел по направлению к стойке.

Вернулся он с двумя коктейлями, напоминающими мне «Кровавую Мэри», и я сразу повеселела. Разговор начался как-то сам собой, и уже через час мы были друзьями на век.

Мы с Ленкой отошли в дамскую комнату, а когда вернулись, перед нами стоял уже третий фужер «Кровавой Мэри», и разговор продолжился с новой силой.

Я часами могу обсуждать проблему СПИДа и наркомании среди молодежи, но даже мне иногда хочется спать, в конце концов и мы засобирались домой. Вся честная компания изъявила желание нас проводить. Но всю малину испортила Полина, чуть не сбив нашу дружную компанию на дороге. Она вылетела из машины как фурия и принялась орать на всю округу: «...твою мать! Где ты шляешься? И что ты вообще здесь делаешь в компании этих молокососов-придурков? Ты за этим детей одних оставила, мать хренова...»

И все в таком духе. Полина орала и металась перед машиной так, что мои провожатые даже испугались и отошли назад, а потом и вовсе разбежались в разные стороны. Полина схватила меня за руку и потащила в машину.

– Господи, напилась-то как, а? – не унималась Полина.

– Поля, ты не п-переживай так. Мы ж от-тмечали день рож-ждения Катькин, – я пыталась объяснить сложившуюся ситуацию, но язык почему-то не хотел меня слушаться и все время мешался. Наверное, от «Кровавой Мэри»...

Полина меня не слушала, а вертела головой, пытаясь развернуться на узкой дороге. И тут меня осенило...

– А ч-что это ты, собственно, приехала? – все-таки чем я перед ней виновата? Ну, выпила в компании друзей пару рюмочек... Так что ж теперь, меня на всю округу надо грязью поливать?

– Ираиду Сергеевну ограбили, – резко проронила Полина.

Голова начинала проясняться, но как-то медленно.

– Маму? А когда?

– Сегодня.

Я аж подскочила на сиденье и больно ударилась головой о крышу.

– Как сегодня? Кто? Зачем? – я подумала и решила, что вопрос «зачем?» лишний, но слова, как известно, не воробей...

Полина усмехнулась и посмотрела на меня.

– Ну, ты уже почти в порядке. Не знаю кто. Они с ее новым кавалером ходили в театр, а когда пришли, Ираида Сергеевна и обнаружила пропажу. Стала звонить тебе, но не позволилась, – на последних словах Полина сделала ударение и многозначительно посмотрела на меня, а я покраснела и потупила глазки, рассматривая с интересом обивку сиденья. – Потом она позвонила мне и попросила приехать вместе с тобой.

– А почему она позвонила тебе? – что-то никак не хотела помещаться в моей голове. – А не в милицию?

Полина выругалась, но начала объяснить.

– Потому что Георгий Овсянников – старший следователь УВД города Тарасова. Надеюсь, Жору-то ты помнишь?

– Твой муж.

– Бывший. А теперь выпей-ка успокоительного, а то, не дай Бог, чего случится с твоей головкой от избытка информации.

Одной рукой Полина вытащила полиэтиленовую бутылку из-под своего сиденья и положила ко мне на колени. Я полезла за аптечкой, чтобы выполнить распоряжение Полины (она

всегда меня опекала, а я ее слушалась, так что уже привыкла к этому. И все это благодаря тем минутам, за которые она умудрилась появиться на свет раньше меня. Что ж, наверное, такова моя судьба...) С такими мыслями я проглотила валерьянку, запив ее газированной водой, и прикорнула на сиденье, надеясь немного подремать, пока мы едем. Глаза ужасно слипались...

Мне снился такой прекрасный сон, как вдруг в него вторглась Полина со словами:

– Просыпайтесь, горе-психолог, приехали!

Я хотела возразить что-то на счет того, что я неплохой психолог, но потом передумала. Открыв один глаз, я увидела Полину и дом Ираиды Сергеевны и решила проснуться. Полина вытряхнула меня из машины, чем окончательно привела в чувство, и заперла ее.

Вообще-то, мы не любители с сестрой ходить к маме в гости и делаем это в очень редких и исключительных случаях. Как, например, сегодня. Мы даже для удобства, и своего, и мамино, называем ее по имени-отчеству, т. к. гораздо большую любовь испытываем к нашей бабушке, которая нас вырастила и воспитала.

Второй раз за день я стояла перед этой дверью. На сей раз открыли ее с быстротой молнии. Маман стояла все еще в своем театральном наряде и заламывала руки, собираясь, очевидно, начать долгие причитания. Но Полина была настроена по-деловому.

– Ираида Сергеевна, давайте без лишних истерик, – маман кивнула и приняла вид светской львицы, которую, как стену, топором не прошибешь. – Хорошо. Когда вы последний раз видели свои драгоценности?

Ах, вот значит что украли!? Да, губа не дура у грабителя. Золота-бриллиантов у Ираиды Сергеевны достаточно: и сама приобретала, и в наследство досталось.

– Неделю назад. Я вытащила коробочку, взяла оттуда золотое кольцо и сережки, ну, и браслетик еще. Вот, они сейчас на мне. Мы как раз тогда с Олежеком в театр ходили. А потом я не стала убирать все назад, а сложила в шкатулку, что около кровати стоит, вот сегодня опять достала и надела. Когда мы вернулись из театра, около двадцати трех часов, я решила положить все в коробочку. Достала ее, а она пустая.

– Ираида Сергеевна рассказывала все, как на допросе. В конце своего повествования она подняла голову и посмотрела на Полину, ожидая, что та ей скажет. Что же теперь делать?

Полина не ответила, а продолжала ходить из угла в угол, сосредоточенно думая.

– Кто был у вас за эту неделю? – Полина остановилась прямо за креслом, в котором сидела я. А так как я немного задремала под убаюкивающий голос Ираиды Сергеевны, резкий вопрос Полины заставил меня подпрыгнуть и очнуться.

Ираида Сергеевна наморщила лоб и, словно читая написанное на потолке жирными буквами, начала говорить:

– В понедельник с утра пришла Маша, соседка, позвонить, у нее телефон не работал. Больше никто не приходил. Во вторник тоже никого. В среду – сантехник чинил кран в ванной. В четверг я уходила к своей подруге, а Олежек оставался дома. Никто не приходил пока меня не было? – вопрос был адресован Олежеку, сидевшему в кресле рядом со мной. Он отрицательно замотал головой, но было заметно, что он нервничает. – В пятницу...

Пока Ираида Сергеевна расписывала Полине свой распорядок на неделю, я решила заняться Олежеком. Все-таки психолог я или не психолог? Надо же помочь человеку...

– Олег, что вы так нервничаете? – ласково поинтересовалась я. – Все образуется, найдутся драгоценности.

– Да как же так можно, грабить людей среди бела дня?! – голос звучал на повышенных тонах, и Олежек уже начинал ломать себе пальцы. – Так ведь и жить скоро станет невозможно!

– Да вы успокойтесь, нельзя же так переживать из-за каких-то украшений.

– Нет, нельзя этого так оставлять. Ираидочка, да почему ж именно нас ограбили-то?

Так как Олежек уже почти кричал и переметнулся на диван к Ираиде Сергеевне, Полина оставила свои размышления и заметила его.

– Вы, молодой человек, держали бы себя в руках. А то еще и скорую придется вызывать. Вы-то что так волнуетесь? Драгоценности-то не ваши...

– Да он же за меня переживает, Полина. Правда, Олежек? Ты не расстраивайся, я без них проживу, если они не найдутся, но все-таки... такие деньги... – Ираида Сергеевна взяла Олежека за ручку и начала гладить по головке.

Олежек вроде бы чуть повеселел, даже улыбнулась, но рука его нервно вздрагивала.

Я сидела в кресле напротив Ираиды Сергеевны и пыталась сосредоточиться на Полине, которая вышагивала перед нами по ковру туда-сюда и думала, но у меня ничего не получалось, я все время сбивалась, а глаза предательски закрывались. Не заметила я, как уснула.

Мне снилось, что я – золушка, а принц несет меня на руках, и мы с ним кружимся в танце. Легко-легко... будто в невесомости. А он смотрит на меня и улыбается, и я тоже улыбаюсь... Все вокруг яркое такое, цветы, шарики, все блестит и кружится вместе с нами... И вдруг какой-то резкий звук. Принц разводит руки в стороны и роняет меня на пол, откуда-то взявшийся. Я падаю и больно ударяюсь.

Наверное, от удара я и проснулась – во время сна уронила голову на подлокотник кресла, так как сама вообще расплзлась по нему. А может быть, и от звонка проснулась.

В общем, открыв глаза, я увидела перед собой Жору. Видимо, Полина его вызвала, пока я спала. Хоть Жора и бывший муж, но они с Полиной поддерживают хорошие отношения, даже иногда близкие. Полина может среди ночи позвонить Жоре и попросить о помощи, и он непременно придет, так как еще надеется вернуться к Полине. Кстати сказать, это она его выставила за его неординарное отношение к любви и браку. Но это все в прошлом. А сейчас Жора помогает нам с Полиной по мере своих сил, т. к. мы не раз уже брались за всякие дела и распутывали даже убийства. Так что кража золота из коллекции Ираиды Сергеевны это так... мелочи.

Я зевнула и поздоровалась с Жорой. Он кивнул мне и повернулся к Олежеку и Ираиде Сергеевне.

– Если не ошибаюсь, вы – Олег? – Жора без предисловий взял быка за рога. – Полное имя-отчество и фамилия, и паспорт предъявите, гражданин.

Жора грозно смотрел на Олежека, а Полина что-то быстро зашептала Жоре на ухо, пока Олег ходил за документами. Жора взял в руки паспорт и открыл его.

– Бирюков Олег Викторович, – Жора многозначительно посмотрел на Олега и продолжил. – Вы задерживаетесь по подозрению в совершении ограбления.

– Как я? Я же был все это время с Ираидой Сергеевной, вы не можете меня подозревать... – Олежек засуетился, покраснел, опять занервничал. Мне даже стало его жалко. Правда, как он мог украсть, если все время был с Ираидой Сергеевной? Может, Поля что-то задумала, а я проспала все самое интересное?

– Следствие все выяснит, – Жора был непреклонен. – А теперь, извольте ваши ручки, мы наденем на них браслеты, правда не золотые, но тоже ничего...

Жора повел Олега к двери сдать своим подручным, дабы они проводили его до машины.

– Но как же. Георгий? Ведь мальчик пострадает ни за что. Он этого не делал, я уверена, а теперь ему придется провести ночь в тюрьме, – Ираида Сергеевна чуть не расплакалась.

У меня защемило сердце от этой сцены. Я еще не знаю, что задумали Полина с Жорой, но если Олег невиновен, значит, ему ничего не грозит, я в этом уверена.

– Ведите его вниз, я сейчас спущусь. И глаз с него не спускайте, – крикнул вдогонку своим подчиненным Жора, когда те уже вышли на лестницу.

Закрыв дверь, Жора приступил к неформальному допросу.

– Ираида Сергеевна, давно вы знаете Бирюкова Олега Викторовича?

– Скоро будет месяц.

– Где вы с ним познакомились? – Жора давно знал о нестандартном поведении матери своей жены и, также как и многие, не одобрил его, но теща – есть теща, пусть даже бывшая.

– В баре, он сам подошел ко мне.

– В каком баре?

– Да вот тут, недалеко. Два квартала вниз и налево. Названия я не помню, первый раз там была. Сидела за стойкой, коктейль пила. Он зашел, сел на соседний табурет, о чем-то поговорил с барменом, потом сидел еще с полчаса зал разглядывал. Тут я уронила зажигалку, а он поднял ее. Так и познакомились.

– Спасибо, Ираида Сергеевна, не будем вас больше задерживать. До свидания.

Жора повернулся и зашагал к двери. Полина выдернула меня из кресла, и мы пошли следом за ним.

– Не держите его там долго. Я уверена – он не виновен, – сказала напоследок Ираида Сергеевна и не успела захлопнуть за нами дверь, как я рванулась назад.

– А где мои дети? – осенило меня внезапно.

– О, не беспокойся, Оленька. Перед тем, как идти в театр, мы с Олегом отвели их к моей давней подруге. У нее тоже есть внучка, так что им там понравится, – Ираида Сергеевна мило улыбнулась. – А если захочешь забрать их, я тебе сейчас напишу адрес моей подруги.

У подруги, так у подруги. Получив бумажку с адресом, я со спокойной душой догнала Полину и Жору.

– Ираида Сергеевна начала курить? – с некоторым удивлением спросил Жора, спускаясь вниз по лестнице.

Полина усмехнулась и объяснила Жоре и мне (я тоже подумала, что Ираида Сергеевна курит), что это такой прием.

– Какой прием? – у меня слово «прием» ассоциировалось с карате или еще какой-нибудь борьбой.

Моя тупость или глупость (не знаю как она это расценила) начала злить Полину.

– Обыкновенный прием. Женщина роняет что-нибудь умышленно, а мужчина, как истинный джентльмен, не даст даме утруждать себя и поднимет то, что она уронила. Дама, естественно, поблагодарит его и поинтересуется его именем, а он, в свою очередь, ее именем. Вот и познакомились. Понятно?

– Понятно. Только откуда у нее зажигалка?

– Наверное, специально для таких случаев. Не стакан же с коктейлем ей ронять... – Полина закрыла тему и мы в молчании вышли из подъезда.

Жора захлопнул дверь с такой силой, что Олежек втянул голову в плечи по самые уши и боязливо огляделся. Полина поставила ему стул посреди комнаты и приказала сесть. Олежек сел и вроде почувствовав себя немного увереннее, стал разглядывать Жорин кабинет. Полина уселась на подоконник и закурила, а я примостилась на стульчике возле шкафа. Жора тоже не преминул закурить. Расхаживать перед Олежеком и дымя ему в лицо, Жора, наверно, думал с чего начать допрос.

У Жоры, в отличие от Полины, хороших сигарет не водилось, поэтому я очень сочувствовала Олежеку, наблюдая за ежесекундными изменениями в мимике его лица.

Полина, выкурив одну сигарету и придавив пальцем окурочек в банке из-под консервов, встала с подоконника и уперла свой взгляд на Олежке.

– Ну что, Господин хороший, сами все расскажете или как? – поинтересовалась она. – Чистосердечное признание смягчает вину, как известно.

– Вы ничего не докажете, – Олежек сам засомневался в правдивости своего высказывания, но отступить поздно.

– Да я тебя как гниду раздавлю! – Полина озверела от такого нахальства со стороны Олега. – В порошок сотру! Или ты сейчас же все рассказываешь или Жора поможет и для тебя чего-нибудь найдут, да и припаяют лет десять. Будешь жить не тужить на тюремных нарах, – Полина так злорадно улыбнулась, что у меня по спине пробежали мурашки.

– Может, я что вспомню. Не мог же ты за годы своей жизни ничем не отличаться? Вдруг окажется, что ты замешан в уличном хулиганстве. Чего по юности-то не бывает? Или ограбил кого еще на улице? Может ты и в бар тот ходил, высматривал жертву? Да мало ли чего можно найти... Благо, дыр в нашем законодательстве навалом, – Жора не отставал от Полины.

Мне стало ясно, что они решили его дожать. Видно, в чем-то он, Олежек то есть, все-таки проболтался, пока я спала.

– Или вон Ольга Андреевна покопается в твоих мозгах, – при этих словах Полины Олег так посмотрел на меня, словно я собиралась проломить ему череп и, вынув его мозги, сварить из них суп. – Она у нас психолог. Вот введет тебя в гипноз! Так что, голубок ты наш, давай выкладывай все как было. Расскажешь все сам – отпустим с миром. А нет – пеняй на себя... Да, и еще: Ираида Сергеевна сухарики тебе носить в зону не будет, это уж ты мне поверь. – Полина развернулась и опять пошла к подоконнику за очередной порцией никотина.

Жора, чтоб не потерять свою значимость, добавил:

– У тебя есть одна минута на раздумья, – и вынул неизвестно откуда взявшиеся у него песочные часы. Перевернул их и поставил на край стола. Наверное, конфисковал у кого-то, а теперь использует для морального давления на арестованного.

По мере того, как песок плавно перетекал из одного отсека часов в другой, Олежек становился все грустнее. Не верил, может быть, что отпустят его Полина с Жорой.

– Ладно, расскажу. А как вы узнали, что это я?

– Вот как расскажешь, так и я тебе, – не слезая с подоконника, ответила Полина.

– Ну так вот. В четверг, когда Ираида ушла к знакомой своей, я и взял золото. Знаю, где лежит оно. Она же при мне в прошлое воскресенье его вытаскивала. Взял и унес к себе на квартиру, пока ее дома не было, а потом вернулся обратно и стал смотреть телевизор...

– Так что ж ты все золото не забрал? То, что на ней сегодня было, ты же оставил. Оно лежало в шкатулке около кровати, по ее словам. Пожалел, что ли? – сарказма у Полины не отнимешь. Сказал же человек, что все сам расскажет, так чего же его теперь ядом-то поливать?

– Она его на себя надела, когда к подруге ходила.

– А если б лежало в шкатулке, ты бы взял?

Провокационный вопрос. Полина его проверяет, – подумала я.

– Нет, не взял бы. Если бы его не было в шкатулке, она бы раньше времени заметила.

Расчетливый, гад! А я его жалела.

– Значит, золото у тебя дома? – подала я голос из своего укромного уголка. – Что же мы тут сидим?

Моим энтузиазмом заразились сразу все и повскакивали со своих мест.

– Поехали, – первым вылетел из кабинета Жора, таща за собой Олежека.

– Мы на своей, – крикнула вдогонку Полина, и мы выбежали вслед за Жорой. Жора загрузил Олежека в милицкий уазик, а мы сели в Полинин «Ниссан» и поехали конфисковывать золото нашей матери.

Проверив, все ли драгоценности на месте, в соответствии с маминым описанием, Полина сложила их обратно в мешочек и убрала во внутренний карман своей сумочки.

– А скажите мне, как вы меня вычислили? – Олег был немного рад, так как видел, что его не собираются везти обратно и «браслеты» сняли, поэтому, наверное, решил поинтересоваться у Полины ходом ее мысли.

– Ты сказал, что грабили «среди бела дня», а вообще-то еще никто не знал, когда это было сделано. Я бы, скорее всего, предположила вечер, когда вы были в театре с Ираидой. Это

во-первых. А во-вторых, в четверг ты один оставался в квартире, это уже наводило на мысли. Ну, а в-третьих, ты явно переигрывал с волнением за Ираиду Сергеевну. Хотя ты, наверное, не играл. Только волновался за себя. Понятно? – Олег улыбнулся какой-то горькой улыбкой и кивнул. – А теперь не попадайся мне на глаза, обходи за километр дом Ираиды Сергеевны. А если я тебя где увижу – загремишь далеко и надолго. Я ясно выразилась?

Олег посмотрел на Полину преданным взглядом, и я подумала, что он теперь сам границу белой краской обведет в радиусе километра от дома маман и выходить на улицу будет только ночью.

Глава вторая

Полина

Когда три дня назад мы вернули Ираиде Сергеевне ее драгоценности, я думала, что настали, наконец, спокойные дни: можно будет спокойно спать по ночам, работать как все нормальные люди и так далее... И уж никак не предполагала, что разбудят меня в восемь часов утра – это при том, что у меня сегодня выходной, и я планировала поспать подольше – и начнут нести всякую чушь по телефону.

Конечно, чушь опять несла моя сестра Ольга. Для нее это закономерность. Черт! Но насторожила меня одна маленькая деталь, пока я слушала вздохи, всхлипы и причитания сестры, из которых могла понять только то, что случилось «что-то ужасное» и «злой рок преследует кого-то». Так вот, деталь, которая меня насторожила – это то, что Ольга сама проснулась в такую рань и сделала глупость, разбудив меня.

Как только поток всхлипов на секунду прервался видно, Ольга набирала в легкие побольше воздуха, чтобы продолжить с новой силой, я сразу набросилась на нее:

– Ты что, белены объелась? Если сама не работаешь и не спишь, так дай другим поспать! Ольга попыталась что-то вякнуть на том конце провода, но не успела. Короче, если сейчас же в двух словах не объяснишь, в чем там у тебя дело, я бросаю трубку.

Опять молчание. Ольга собирается с мыслями. Наверное, они у нее куда-то очень далеко задевались, что она их никак не соберет в кучу. Вообще-то она хорошая. Только сентиментальная, и в голове у нее такой же бардак, как и дома. Никогда не найдешь нужную вещь. Поэтому от Ольги очень трудно добиться вразумительного ответа.

– Ольга! – грозно сказала я, уже собираясь положить трубку.

– Ираиду Сергеевну ограбили, – все-таки они, мысли то есть, собрались все вместе, и Ольга более или менее четко смогла их выговорить. А потом опять начались всхлипы, охи и вздохи.

– Ольга! Да прекрати ты, наконец! Что украли-то?

– Драгоценности. Ой-ой-ой...

– Плохое время для шуток! – огрызнулась я и швырнула трубку на рычаг.

Напробовалась, поди, с утра, своей наливочки, «ауру поправила» и вспомнила события трехдневной давности. Черт бы ее побрал, эту Ольгу!

Я скинула простыню с себя – жара стояла несусветная – и накрыла голову подушечкой, но сон не шел. Через пять минут телефон опять зазвенел. Если это снова Ольга, выскажу все, что думаю о ней.

– Полина, послушай, – говорила Ольга, как ни странно, собранно и по делу. Наверно, на бумажке написала и теперь читает. – Ираиду Сергеевну, нашу с тобой маму...

– Могла бы не уточнять. Дальше... – может, и стоит ее послушать?

– Так... маму ограбили. Украли те самые драгоценности, которые мы ей вернули три дня назад. И еще, – Ольга почему-то перешла на шепот, – у нее на кухне... труп. Мамочки мои, да как же это... Ой-ой-ой...

– Ольга, стоп. Не рыдай. С драгоценностями ясно, их опять нет. Олежек запросто мог вернуться и снова взять их. Мы от него отстали, вот он и подумал, что никто теперь его не заподозрит. А труп-то чей?

– Его, – Ольга опять зашептала.

– Кого его? Олежека? – тут было от чего сесть на кровати. – А ты сама откуда это все знаешь?

– Мне Ираида Сергеевна позвонила утром и все рассказала, а я тебе вот звоню.

– Так значит, Олежек все-таки вернулся, и Ираида Сергеевна проявила решительность, а теперь просит помочь ей? – теперь понятно. Значит, надо звонить Жоре, может, он что придумает. – Ладно, встаю. Жди, через полчаса заеду.

Я нажала на рычаг и стала набирать Жорин рабочий телефон.

– Майор Овсянников слушает, – раздался в трубке бодрый голос Жоры.

– Привет, Жора, это я.

– Полина? – Овсянников был приятно удивлен, судя по голосу.

– Да-да, Жора. Мне нужна твоя помощь. Ты не мог бы подъехать к Ираиде Сергеевне минут через тридцать? – Жора начал говорить что-то о том, что он на службе и за него никто его работу не сделает, что-то про долг и так далее. Но я применила испробованный способ. – Жорочка, я сегодня вечером пирог испеку твой любимый. Может быть, ты заглянешь на чашечку чая?

Жора за то, чтобы придти ко мне в гости, отдал бы все на свете. Поэтому уловка сработала, и Овсянников обещался быть у бывшей тещи даже через двадцать минут.

Я вылезла из кровати. Бегом приняв душ и натянув на себя шорты, майку и тапочки, вылетела из квартиры.

Заехав за Ольгой, мы помчались к Ираиде Сергеевне.

Что-то слишком часто в последнее время мы с визитом к нашей родительнице стали приезжать. Не к добру это.

К подъезду подъехали почти одновременно с Жорой и вдвоем поднялись в квартиру.

Ираида Сергеевна открыла нам вся заплаканная, и мне сразу показалось, что она постарела лет на пять. Глаза у нее опухли и морщин под ними прибавилось. Да и вообще вся она выглядела как-то серо и безлико, не сравнить с ее всегда цветущим видом. Неужели это из-за Олежека? Да не поверю я, что она из-за безумной любви к нему убивается так. Сколько было их, этих Олежиков, и никогда после разрыва очередного она не волновалась особо, а быстро находила утешение в обществе другого Олежека. Может быть, она чувствует свою вину за невинную молодую душу, загубленную ею? Нет. В то, что Ираида Сергеевна кого-то убила, я никогда не поверю. Не такой она человек.

– Оля, ты же психолог, проведи с Ираидой Сергеевной сеанс. Видишь же, в каком она состоянии, – сказала я, а шепотом добавила Ольге на ухо, – и выясни, где она была эти три дня.

– Но Полина, нельзя же так... Она и сама может нам рассказать, – когда с Ольгой говорят шепотом, она почему-то тоже начинает шептать.

– Ладно, сейчас послушаем. Ираида Сергеевна, расскажите как все было.

Маман, видно, лучше думалось, глядя на потолок, и она начала рассказывать.

– Сегодня утром, примерно в семь тридцать, я открыла входную дверь, разулась и прошла в зал. Я приехала от подруги – была у нее на даче. Мне не хотелось быть здесь одной после того, что случилось. После его предательства. Я очень переживала, потому что верила ему как ни кому другому. Поэтому и уехала к ней на три дня. Чтобы отвлечься, привести себя и мысли в порядок. Так вот, в зал я пошла, чтобы положить в коробочку серьги и цепочку с браслетом, в которых была. Полезла, а коробочка опять пустая. Я подумала, что, может быть, положила все в шкатулку, но и там пусто. Я разволновалась не на шутку и, чтобы успокоиться, пошла на кухню выпить чаю с мятой. А там... он на полу... весь в крови. Мне стало плохо, и я выбежала оттуда. Немного отдышавшись и придя в себя, набрала Ольгин номер и рассказала ей все. А она уж позвонила тебе, – Ираида Сергеевна закончила свой рассказ и теперь взирала на нас с Ольгой и Жору.

Ольга стояла как вкопанная, тупо уставившись в окошко. Видно действовал ранний подъем. А я была в раздумьях: что же это такое? А? Напасть какая-то на наши фамильные драгоценности, а тут еще труп Олежека. Уж теперь-то он наверняка ни при чем. Не мог же он с собой их унести. На тот свет? Значит, здесь кто-то другой замешан. Но кто?

Пока я стояла и думу думала, Жора ушел на кухню и позвал оттуда меня.

– Полина, иди сюда. Посмотри, – Жора сидел около трупа и внимательно что-то разглядывал.

Олежек лежал на полу лицом вниз. Я опустилась рядом, стараясь не запачкаться в крови. Жора рассматривал рану, нанесенную ножом. Кто-то вогнал огромный кухонный нож Ираиды Сергеевны прямо в сердце Олежека, насколько это можно судить с его спины, и по самую рукоятку, так что даже дерево пропиталось кровью. Вывод был очевиден: удар убийцы был далеко не слабым. Когда Жора осторожно повернул труп на бок, я увидела острие ножа, торчащее из груди, и дыру в линолеуме. Да, убийца точно был силен. Теперь я окончательно уверовала, что это не Ираида Сергеевна сделала. Она и мышь-то убить не сможет.

И Ольга вся в нее пошла: интеллигентная, скромная, тише воды, ниже травы. Прямо гордость родителей, да и только! Только некому гордиться было этим гениальным послушным ребенком – Ираида Сергеевна всегда занята исключительно собой, а папа – Андрей Витальевич – не баловал нас своим присутствием с самого раннего детства по причине своей трудной профессии – тележурналист, а также и по причине пристрастия к слабому полу, то есть бабам. Давным-давно он, бросив Ираиду Сергеевну и нас с Ольгой, перебрался на постоянное место жительства в столицу нашей обширной Родины. И с тех самых пор видел нас крайне редко. И то только в случаях, если мы с Ольгой приезжали в Москву по делам и вынуждены были напрягать нашего папочку. Ольга при этом всегда крайне смущалась и долго мялась, прежде чем обратиться к Андрею Витальевичу. Самым главным толчком выступала перспектива ночевать на вокзале. А я вот легко шла напрямую к папаше. По принципу того самого клокка шерсти с паршивой овцы.

Ольга и в детстве была мягкой, бескорыстной, доверчивой девочкой, причем доверчивость ее иногда доходила до глупости. При этом она совершенно не умела драться и постоять за себя. Да и теперь почти не может. Ее постоянно используют все, кому не лень, а ей отказать, видите ли, неудобно! В итоге у нее же самой еще и неприятности. Да сколько раз такое было! А потом – выручай, Полина, – и слезы в три ручья. Вот как сказывается воспитание без твердой отцовской руки. А мама, то есть Ираида Сергеевна, вообще почти к нашему с Ольгой воспитанию никакого отношения не имела – воспитывала и наставляла на путь истинный нас бабушка Евгения Михайловна, в которой мы души не чаяли.

Дедушка наш рано ушел из жизни. Так что его роль фактически исполнял неродной нам человек – бабушкин хороший приятель, Лев Сергеевич. Зная его с самого детства, мы называли его не иначе как дедушка Лева. А он любил и баловал «своих» внушек, особенно Ольгу. Может быть, поэтому она совершенно неприспособлена к жизни, не умеет справляться с жизненными трудностями. Всегда у нас выходит, что ее проблемы приходится решать мне. Не знаю почему, но мой характер и склад ума совершенно отличается от Ольгиного. Вроде росли вместе, а так получилось. Наверное, я хотела быть похожей на дедушку Леву и во всем старалась подражать ему. Когда он что-нибудь вырезал для Ольги из дерева, я брала нож и старалась тоже что-то сотворить. В футбол с ним всегда играла только я, а Ольга сидела в сторонке и наблюдала. Ошибка природы, наверное... Зато Ольга впоследствии чуть ли не каждый день с ним встречалась. «Дедушка» наш был профессором в каком-то университете, в который Ольга потом и поступила. Преподавал он что-то, а вот что, не помню. Я в психологии не сильна.

На чем я остановилась перед тем как припомнить свое трудное детство? Эх, черт, на ударе же.

Не нравится мне вид Олежека. Как мотылек на булавке. Кто же мог ударить его с такой силой? Ясно одно – это хорошо тренированный, спортивный человек. Как я, например. Я, кстати, работаю тренером по шейпингу в фитнес-клубе. Так что форму поддерживаю и могу дать фору любому мужику. Если на то вынудят жизненные обстоятельства. В смысле драки там или еще чего. И стреляю прилично.

Вот чего не пойму, так зачем надо было ножом убивать. Почему не застрелить, ведь проще? И человек долго мучиться не будет. Или убийца не хотел себя светить? Что-то я все время называю убийцу «он». Но это могла быть и женщина, с тем условием, что она имеет отличную физическую подготовку.

– Полин, глянь, – Жора влез в мои мысли и заставил отвлечься. – Паренек-то все же и с собой кое-что взял.

Жора извлек из руки Олега черный брелок с огромным количеством всяких кнопочек и прибамбасов. Я нажала на одну из них и прослушала гимн Советского Союза. Шутник был Олежек. Вот и дошутился. Больше я на кнопочки нажимать не стала, а пошла с брелоком в зал. Ольга с Ираидой Сергеевной сидели на диване. Ольга как раз заканчивала свой сеанс и приложила палец к губам, когда я зашла. Я быстренько захлопнула варежку и стала ждать. Все-таки и Ольга иногда может быть нужной и полезной, когда постарается.

– Ну, что? – поинтересовалась я у нее по окончании терапии.

Она покачала головой, что означало – «ничего интересного» или «все то же самое».

– Ладно. Ираида Сергеевна, что это? – спросила я и протянула брелок ей. – Вы это раньше видели?

– Да. Это Олега. Его брелок. Он всегда его носил с собой, никогда не расставался. В тот день, когда вы его увезли, он его оставил, забыл. Наверно, за ним и вернулся.

– Но как же он зашел в квартиру? Ключи мы вам, кажется, отдали вместе с золотом?

– Вот они, – Ираида Сергеевна показала на связку ключей, лежащую на столе, – ты сама их сюда положила.

Я кивнула.

– А ваши где?

– А мои у меня в кармане, – она вынула их и показала.

Значит, Олежек проник в квартиру либо через окна, либо заранее запасся дубликатом ключей.

– Жора... – я хотела попросить Жору вызвать экспертов для осмотра двери и окна, но Жора меня опередил.

– Полина, я сейчас осмотрел замок на двери и, насколько мне кажется, дверь открывали либо отмычкой, либо новыми ключами.

Так, значит. Догадка оправдалась. Но на всякий случай я обошла все окна – некоторые из них не открывались совсем, а некоторые маман даже не удосужилась расклеить. На зиму-то она их заклеила, а сейчас некоторые бумажные ленты были еще на месте. Следует отметить, что Ираида Сергеевна делать лишнюю работу не любила заклеивать, расклеивать, потом опять заклеивать – нудно же! А еще она никогда не открывала окна. Только форточки и балкон. Даже летом. Так что я смело могла утверждать, что через окна никто не влазил, а балкон был закрыт. Ираида Сергеевна воспитала в себе привычку такую, что когда она отлучалась из дома больше чем на два часа, она закупоривала все: окна, форточки, двери.

Так что для входа Олежеку и убийце пришлось пользоваться только дверью входной. Ну у Олежека могли быть еще одни ключи, кроме тех, что у него в недавнем прошлом отобрали. Может он такой запасливый, что позаботился о наличии второго экземпляра? Ну, вдруг одни потеряются? Правда ведь неудобно без ключей домой заходить...

– Поля, ты что, сразу не могла мне сказать, что здесь за ситуация? – попенял мне Жора. – Я бы сразу бригаду с собой взял.

– Ну извини, – развела я руками.

Жора только вздохнул и вызвал по телефону оперативников и «скорую».

Мы с Ольгой дождались приезда опергруппы и отчалили домой. Я отвезла Ольгу и поехала к себе. Надо же сегодня наконец позавтракать! Да и за завтраком мне лучше думается.

Я смачно облизнулась, когда снимала со сковородки свою фирменную яичницу. Так я называю кусочки колбасы, помидор и лука, залитые парочкой яиц, а сверху посыпанные петрушкой или укропчиком. Объединение! А еще, если очень хочется, можно побросать в сковородку все, что имеется в холодильнике. Тоже будет очень вкусно.

Скушав всю эту красоту, я додумалась до того, что надо бы навестить родителей Олега. Может там я узнаю что-нибудь мало-мальски интересное? Оперативники наверняка там еще не были.

Жору я решила не беспокоить. Не нужно ему знать, куда я собираюсь, а то снова начнет кричать, что я лезу не в свое дело.

В справочном я назвала данные Олега Викторовича Бирюкова, от души надеясь, что он прописан у родителей. Хотя, если нет, тоже неплохо – съезжу по тому адресу, который дадут, поговорю с соседями, все равно постараюсь что-нибудь выяснить.

Как оказалось позднее, Олег был прописан у родителей, точнее, у отца. Матери у Олега не было. Жил отец Олега на известной улице родного Тарасова, которая гордо именовалась Большой Казачьей. «Большая» – это, наверное, оттого, что выбор девушек на ней самый большой, да и не только девушек! А лихие «казаки» на «мерсах», «ауди» или еще каких иномарках их «снимают» и очень резво увозят на свой «хутор».

Так вот, продвигаясь на своем «Ниссане» по этой самой улице, я наконец заметила дом с табличкой «тридцать два» и свернула во двор.

Допросив бабульку, выходящую из подъезда, в коем из двух этих подъездов имеется квартира номер восемнадцать и заручившись ее правильным знанием кода чужого подъезда, я отправилась туда.

Бабульки эти всегда все знают! Ну, скажите, зачем ей код чужого подъезда? Свой-то, поди, на бумажке написала, чтоб не забыть, а чужой – помнит!

Вышеуказанная квартира находилась на втором этаже и была коммунальной, о чем свидетельствовала бумажка, прилепленная к стене в районе звонка. На ней были написаны фамилии жильцов этой самой квартиры, очевидно, а напротив каждой фамилии стояла цифра, которая символизировала определенное количество звонков.

Я вдавила кнопку два раза, в соответствии с бумажкой, и стала ждать. Вскоре послышались шаркающие шаги, и без риторического вопроса «кто там?» дверь отворилась. За ней стоял мужчина лет пятидесяти, с седыми волосами и в очках. Одет он был в довольно рваное трико и без майки, зачем майка, когда тут живого места нет – все в наколках?

Он галантно сделал жест рукой, чтобы я проходила, и я не заставила себя долго ждать, правда, от «бомжа» я такого не ожидала.

– Могу я поговорить с Бирюковым Виктором Васильевичем?

– не люблю, когда меня разглядывают таким наглым образом, да еще и без слов.

– Конечно, можете. Да вы не стесняйтесь, проходите на кухню, сейчас и поговорим, – он опять сделал свой любимый жест. Прямо «жентльмен» с большой буквы Ж.

Я было отправилась в том направлении, в которое мне указали, и вдруг услышала шум, звон и чертыхание в предполагаемом местоположении кухни. Я остановилась.

– Вы не один? Может мы поговорим в другой раз? – у меня не было желания сидеть на кухне в компании двух бомжей.

– Да нет, не беспокойтесь... Это мой друг, он сейчас уйдет.

Ну, ладно. Уйдет, так уйдет. И я прошествовала на кухню с гордо поднятой головой. Но как только я миновала порог, голова моя сама собой опустилась и уставилась на друга Виктора Васильевича. Аккуратненько примостившись на шатком табурете за маленьким столиком, сидел Дрюня Мурашов и наливал в стакан водку «Что делать?», стараясь налить с бугорком, но не пролить ни капли на стол при этом. Вот уж кого не ожидала здесь увидеть, так это Дрюню! Это мой старый знакомый, брат нашей с Ольгой подруги детства. Дрюня был старше нас, но

это не мешало нам играть вместе. Жил Дрюня по соседству со мной и поэтому каждый божий день я его видела: то Дрюня слоняется по двору, ища кого-нибудь себе в напарники организовывать какой-то бизнес, в основе которого лежит очередная гениальная идея Мурашова, то он просто ищет, где бы раздобыть бутылочку чего-нибудь спиртного. Несколько раз Дрюня притаскивался ко мне и просил купить у него какую-нибудь вещь, чаще всего абсолютно бесполезную. А когда я не соглашалась на покупку, Дрюня в очередной раз начинал канючить десятку или двадцатку «до получки». Но так как он отродясь нигде не работал, то возможности возврата своих денег я не видела и поэтому не давала их. Правда, однажды я все-таки дала ему полтинник, где-то два года назад, и до сих пор в глаза его больше не видела, полтинник то есть.

– Дрюня?! Что ты здесь делаешь? – от изумления я гаркнула так, что стакан Дрюни расплескался наполовину, когда он дернул рукой, испугавшись моего крика.

– А я просто удивилась и раздосадовалась – ну в самом деле, куда ни плюнь, в Дрюню попадешь! Это уже начинает мне надоедать, честно говоря. К Ольге придешь – он там торчит, домой едешь – во дворе ошивается, а теперь еще и здесь, где я совершенно не ожидала его встретить.

– Полина? – Дрюня вскинул голову и посмотрел на меня мутными глазами.

Узрев, что это я, он расстроился.

– Вот, видишь, что наделала, сколько добра теперь пропало... Э-эх... – Дрюня, сокрушенно покачав головой, отодвинул стакан в сторону и стал слизывать со стола лужицу пролившейся водки, а потом и стакан опрокинул в себя. – Эх, хорошо! – сказал он и закусил огурчиком.

– Дрюня, что ты здесь делаешь? – еще раз спросила я, двигаясь по направлению к нему.

– Да я ничего, это мы тут, это, с Витьком отмечали... это... – он задумался и почесал голову.

– День граненого стакана, что ли? – подсказала я. – Или триста лет русской балалайке?

Видно, Дрюне мысль моя понравилась, и он ухватился за нее. Не говорить же, в самом деле, даме, что он просто напивается в обществе друга!

– Ага, этой самой... балалайки, – выговорил Дрюня и усиленно закивал головой.

– Ладно, поверила, – миролюбиво сказала я, а Дрюня просто-таки просиял. – А теперь ты берешь свою «Что делать?» и ищешь другое место, где отмечать столь важный праздник. Понял? Быстро!

Сияние исчезло с Дрюниного лица.

– Что случилось, а, Полин?

– Ничего. Тебе такое вредно знать, а то водка в горло не ползет, будешь всю жизнь чаем баловаться. – Дрюня при этих словах как-то съезжился и, прижав к себе поближе бутылку, начал пробираться к двери, на выход.

Как раз когда дверь за Дрюней захлопнулась, в кухню явился Виктор Васильевич, неся в руках бутылку сухого белого вина. Судя по этикетке, вкус у него хороший. Вот, значит, зачем он отлучался. Не хотел гостью водкой поить. Такт имеет, это хорошо.

– Так, Виктор Васильевич, начнем с того, что меня зовут Полина, – с чего начать я не знала, и начала с самого простого.

– Очень приятно. Как я понял, мое имя вам уже известно. Позвольте узнать, откуда? – он мило заулыбался, видно, не часто к нему ходят красивые девушки, и обрадовался.

– Я знаю вашего сына Олега...

– Я так и понял, что вы из-за него пришли. Ну почему ко мне, лично ко мне, не придет такая вот красавица? – он театрально воздел руки к потолку, закатил глаза и томно вздохнул.

Прекратив спектакль, он опустил на табуретку, с которой только что слез Дрюня.

– Что же вас привело ко мне? Долги, разбитое сердце или еще что? А куда же делся мой друг? – как бы между прочим поинтересовался Виктор Васильевич, оглядывая кухню в поисках Дрюни.

– Он ушел, – сообщила я.

– Неужели? – Виктор Васильевич явно расстроился.

– Это к лучшему, – мягко сказала я. – Мне нужно с вами поговорить... Это очень серьезный и, сразу признаюсь, неприятный разговор...

– Что-нибудь случилось? – встревожившись, спросил Бирюков.

Я молчала и не знала, как сообщить отцу ужасную новость. Потом, пересилив себя, решила отрубить одним махом.

– С вашим сыном Олегом случилось несчастье. Его убили.

– Что? Когда это случилось? – он осел и совсем размяк на табуретке, а я, воспользовавшись случаем, взяла бутылку вина и убрала ее подальше. Потом поставила чайник на плиту.

– Это случилось вчера, может быть, позавчера. Пока еще ничего не известно. К вам обязательно придут из милиции и все расскажут. А кто убил вашего сына – это я и хочу узнать, так как вместе с убийцей пропали и мои драгоценности, – драгоценности, конечно, не совсем мои, но приходится врать. Хотя там есть и доля моих из бабушкиного наследства, но большинство – Ираиды Сергеевны.

– Где он сейчас?

– Его отвезли в морг, наверное. Виктор Васильевич, это, конечно, неподходящий момент, но вы должны мне помочь найти убийцу Олега.

– Я могу его увидеть?

– Конечно. Я отвезу вас.

– А вы вообще-то кто? – спросил Бирюков, и мне показалось, что ему по большому счету все равно, кто я такая.

– Я дочь Ираиды Сергеевны, женщины, с которой дружил ваш сын, – я не знала, в курсе ли Виктор Васильевич насчет наклонностей своего сына в межполовых отношениях, поэтому постаралась выбрать такое нейтральное слово. Не знаю, понял ли он меня, но кивнул.

Я продолжила:

– Кроме того, мой муж – старший следователь, и он занимается этим делом, – про мужа, конечно, тоже неправда, но чего не сделаешь ради дела. – Вы мне поможете?

– Чем смогу...

Чайник закипел, я налила две чашки и поставила одну перед Бирюковым-старшим.

– Я понимаю, что в такой ситуации... когда убит ваш сын, вряд ли что-то или кто-то может помочь. Но, я прошу вас, Виктор Васильевич, соберитесь. Может быть то, что вы расскажете поможет нам найти убийцу вашего сына.

– Я не знаю, с чего начать...

– Начните с того, почему Олег прописан у вас, а не в своей квартире?

– Он только недавно приобрел ту квартиру и не успел там прописаться, а в этой я его прописал, чтобы квартира, если со мной что-то случится, досталась ему, а не государству, по наследству.

– Угу, понятно, – пробормотала я. – Ну, а теперь начнем, пожалуй, со школьных времен: друзья, знакомые и так далее, – когда не знаешь ничего, лучше составить полную картину сразу.

– Он учился неплохо, но и нехорошо. Как обычно все мальчишки. Большую часть времени пропадал на улице. А центр города, сами знаете, какое место. Детям здесь особо играть негде, вот и шляются по подъездам. Рано курить начал, а потом и выпивать стал, – я подумала, что Олегу было от кого заразиться этой дурной привычкой. – Школу кое-как окончил, в армии отслужил. А когда пришел, долго искал работу. Нашел где-то по старым знакомым. Я и не знаю

точно, где он работал, где-то на автомобильном рынке. Деньги получал хорошие, насколько я знаю. Даже иногда мне давал...

– Не возражаете, если я закурю? – я уже устала просто пить чай. И вообще, уже давно пора губить свой организм никотином.

– Пожалуйста. И я закурю... – он потянулся к своей «Приме», но я опередила его, протягивая свое «Мальборо».

Сильный мужичок все-таки. Сначала вроде бы осел под ударом судьбы, а сейчас – ничего, держится.

– А на каком рынке он работает? – я машинально прокрутила в памяти местонахождение имеющихся в наличии авторынков и прикинула, сколько времени потребуется их все объехать. Н-да... получалось много... лучше бы узнать поточнее.

– Да я не знаю. Где-то в Покровске, – так, уже круг поиска сужается. – По-моему, в районе Воруйгорода или как там это место называется...

– Ага, знаю. А чем же он занимался там?

– Вот чего не знаю, того не знаю. Самому интересно было, откуда он такие деньги приносил. Спрашивал его, а он не говорил...

Что-то тут не чисто. Интересно, чем же он зарабатывает?

– А что, много приносил?

– Он за четыре года, что откладывал деньги, квартиру себе купил.

– Да-да, я там была. В ней последний раз его живым и видела. Собственноручно дверь закрыла. А тут вот как получилось. Еще раз свиделись...

– Полина... я, конечно, извиняюсь, а вы с Олегом в каких отношениях были? Если не хотите, можете не говорить, – Виктор Васильевич как-то робко все произносил. Казалось, что он не хочет лезть в жизнь сына после его смерти. Но интерес, любопытство в нем преобладает.

– Да нет, отчего же. Я с ним ни в каких отношениях не была. Скорее Олег состоял в этих самых отношениях с моей матерью, – я все-таки озвучила эту тему.

– Да-да, – поняв мое смущение, кивнул Бирюков. – Ничего. Я знаю, что Олег жил... как бы это лучше выразиться... в общем, он знакомился и с девушками тоже, конечно, но пару раз я видел его в обществе женщины в годах... Так что, это у вашей матери украли драгоценности? А Олега убили в ее квартире?

– Да. Ираида Сергеевна уезжала на несколько дней. В это время в квартиру пришел Олег, у него были ключи, – опять вру, прости, Господи! – утром сегодня Ираида Сергеевна зашла домой и увидели труп Олега на кухне, а потом заметила пропажу драгоценностей.

– Наверное, грабитель пришел за драгоценностями, а Олег ему просто помешал, – Виктор Васильевич раздумывал над причиной смерти Олега. Все-таки правильно я сделала, что не сказала ему всей правды.

– Очень может быть, Виктор Васильевич. А скажите, был ли у Олега друг какой постоянный, ну со школы еще или с армии? Или подруга?

– Да Мишка все время к нему приходил. Школьный его друг, они всегда вместе были. И девчонка всегда с ними везде таскалась. Троица у них как в детстве образовалась, так они по жизни вместе и были.

– А что за Мишка? Фамилию знаете? И девчонки этой? – кажется, что-то проясняется.

– Мишка? Мишка Булгаков. Он работает, кажется, в баре в каком-то, – Виктор Васильевич наморщил лоб и приложил руку к виску, очевидно напрягая свою память. – Там в названии что-то с дорогой связано... не то километры, не то... Версты! Вот! Там это слово есть, а вот целиком названия не помню. А девчонку эту не помню как зовут, давно уже не видел. Олег говорил, что они все втроем встречаются и называл ее как-то даже... Нет, не помню.

Я докурила сигарету и затушила ее в пепельнице. Пора выбираться отсюда.

– Хорошо, Виктор Васильевич. Спасибо за помощь и за чай. – Я встала с подоконника и направилась к двери.

– Если хотите, я могу вас подвезти до морга, вас проведут к Олегу.

– Нет. Опознавать его не надо, ведь так? – он посмотрел на меня, а я кивнула. – Вы мне только сообщите, когда можно будет хоронить. Тогда и заберу его, хорошо?

– Я вам позвоню. А если вы еще что-нибудь интересное вспомните – сообщите мне, хорошо? – Я протянула ему бумажку с номером моего телефона. – Еще раз спасибо вам за помощь.

– Пожалуйста. Я вижу, не зря моя помощь вам будет. Вы, Полина, своего добьетесь, по вам видно, вы целеустремленная. Вы обязательно найдете убийцу и свои драгоценности, – он бодро улыбнулся мне на прощание и открыл дверь.

Я уже вышла на площадку, но обернулась и посмотрела на отца Олега.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.